

Неповторимые черты лирического образа в ранней поэзии Анны Андреевны Ахматовой.

Поэзия – неиссякаемый источник для постижения душевных состояний, настроений, исканий и стремлений, «которые были присущи людям определённого социального круга в определённую историческую эпоху». [1, с.142]. Эпохальную значимость произведений открывает сам художник в собственном мироощущении. Потому поэтические сознания заключают в себе образ автора, его лирическое «я», которое может совпадать или нет с человеческим «Я» поэта.

В поэзии Серебряного века лирические жанры получили на редкость яркое развитие, обрели разного вида модификации. В сугубо субъективных, даже интимных переживаниях отражались со всей силой личностных эмоций характерные проявления времени. Воедино слились признаки неоднородных структур: исповеди и драматического диалога, психологической медитации и сокровенного предвидения. Вот почему внутренний облик (часто запечатлённый во внешних признаках) лирического героя был изменчив, подвижен, нёс в себе обилие неповторимых связей с большим миром. Среди крупнейших мастеров такого искусства одно из ведущих мест занимала Анна Ахматова.

В ранней лирике Ахматовой лирический портрет играет очень большую и многозначную роль, но при всей своей непредсказуемости наделён некоторыми устойчивыми чертами. Он никогда не даётся полностью, только указываются некоторые наиболее важные его детали, лишь в стихотворении «На шее мелких чёток ряд...» наиболее явственен образ лирического «я», в какой-то степени напоминающий автопортрет самой поэтессы, о чём свидетельствуют первоначальные названия произведения: «Дама в лиловом», «В зеркале».

Во внешности человека наиболее значимы для Ахматовой выразители его душевного состояния: выражение глаз, особенности взгляда, улыбки; жест, голос, походка. Нередко она уделяет внимание одежде, украшениям, но

детализировка предметного ряда тоже фиксирует особенности самочувствия. В каждом штрихе портрета героини, каждой примете её внешнего облика своеобразно преломляется весь спектр её сложных чувств и переживаний. Именно с этой точки зрения лирическая героиня Ахматовой очень близка самой поэтессе.

Стихи в сборниках Ахматовой расположены вне хронологии, в предлагаемой автором последовательности, что придаёт каждому «малому» произведению некоторую протяжённость избранного в нём лирического сюжета. В «Чётках» преобладает мотив разлуки, расставаний, не встреч; лирическая героиня, ожидая возлюбленного, не находит его, а когда долгожданная встреча происходит, обнаруживается драма взаимного непонимания. Немудрено, что испытаниям любви сопутствуют ревность, тоска, отчаяние, даже мучительные разочарования, мысль о смерти. Все столь сложные чувства и предчувствия, в которых к тому же отражено общее состояние дисгармоничного мира, чаще донесены средствами выразительных реалий портрета.

Самым значительным, запоминающимся в облике ахматовской героини являются глаза. Упоминание о них можно найти во многих стихотворениях поэтессы разных лет и воспоминаниях её современников: «Она была такая худенькая, бледная и вот с такими серыми глазами» [2, с.5]. Находим мы проникновенные строки о её глазах и в стихотворении Н.С.Гумилёва «Она»:

*Я знаю женщину: молчанье
Усталость горькая от слов,
Живёт в таинственном мерцанье
Её расширенных зрачков.* [3, с.5].

Обилие меняющихся выражений глаз лирической героини воистину изумляет. В «Отрывке» (1911) появляется противоречивый образ героя, из-за которого страдает героиня. Однако сама она это отрицает. Но глаза женщины говорят намного больше, что и замечает её избранник: «Словно тронуты чёрной, густою тушью / Тяжёлые веки твои» [4, с.45-46]. В этом стихотворении

«отравительница-любовь» извела женскую душу. Признаки страдания, даже недуга донесены с помощью упоминания о тяжести и неестественной черноте век.

В стихотворении «Безвольно пощады просят ...» (1912), написанном в Царском Селе, дан другой образ. Глаза лирической героини безвольно просят избавления от мук, причём при одном лишь упоминании того, кто их принёс, ясно: это переживание от неё неотделимо. Новую деталь находим в стихотворении «Ты письмо моё, милый, не комкай...» (1912). Здесь глаза огромны – от боли перед неминуемым расставанием с возлюбленным; как бы исчезли все другие черты лица, лишь осталось «зеркало души», до краёв переполненной мукой. Даже в счастливые минуты жизни она боится, что может всё потерять, и тогда её глаза, возможно, будут «затравленными», как у «дикой кошки». В глазах героини, её взгляде почти всегда улавливается некая усталость, разочарование – и никогда – радость, причём мрачные переживания самого предельного свойства, они парализуют волю, физическую энергию:

*Я не могу поднять усталых век,
Когда моё он имя произносит [4, с.66].*

Другая, весьма значимая, черта портретного облика – улыбка, хотя она редко появляется на устах героини «Чётки». Но, появившись, несёт нечто сокровенное, интимное, предназначенное не для всех, поэтому недоступная для читателя:

*У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть видное губ.
Для тебя я её берегу –
Ведь она мне любовью дана [4, с.49].*

Все сложные эмоции героини проступают в окраске и «движении губ». Яркость их цвета и улыбка – символ полноты чувства. Другой символ – утраченного счастья – бескровные, холодные уста героини, потерявшей любовь. Можно предположить, что мастерство подобной символизации,

разнообразной детализировки выражений лица, глаз, губ исходило из особенностей природной внешности Анны Ахматовой.

Г.Адамович писал в своих воспоминаниях «Мои встречи с Анной Ахматовой»: «Анна Андреевна поразила меня своей внешностью. <...> Она была больше чем красавица. Никогда мне не приходилось видеть женщину, лицо и весь облик которой повсюду, среди любых красавиц, выделялся бы своей выразительностью, чем-то сразу приковывавшим внимание». [5, с.21].

Важнейшим элементом в портрете ахматовских героинь становятся и другие физические проявления глубинных переживаний. Немалую роль играют выразительные жесты нервных рук, движения в пространстве. И.Бродский справедливо заметил: «Внешняя сторона её «я» ошеломляла. Скрытая сторона натуры полностью соответствовала внешности, что доказали стихи, затмившие одно и другое» [6, с.7]. Не менее, однако, продуктивным было «общение» героини с неодушевлёнными предметами (одежды, обстановки комнаты, пр.). Всё, что оказывалось в поле душевной жизни лирического субъекта, свободно подчинялось настроению его, общей атмосфере произведений. Ни на йоту не нарушая реальной природы вещей, Ахматова их «оживляла» единением со своей героиней.

Особенности психологического актерства, о которых шла речь выше, - знак новейшей поэзии начала XX века. По-разному её создатели активизировали своё внимание к глубинным, сугубо субъективным самоощущениям. Но только затем, чтобы в выверенном личном, сокровенном опыте воплотить экспрессивными образами состояния целого мира. Именно так читаются предельно искренние признания поэтов эпохи. Ахматова в «Чётках» предельно сгустила трагический мотив разрушения любовного счастья, найдя для того особые, «страшные» аналоги: «Пусть камнем надгробным ляжет / На жизни моей любовь...»; «Я не могу взлететь, / А с детства была крылатой...»; «А сердцу стало страшно биться, / Такая в нём теперь тоска...». Страдания, возросшие до неких глобальных масштабов, доносят тягостное предчувствие неминуемой общей катастрофы – близкого ада, душевной смерти. Подобное

предсказание сильной нотой звучит в стихотворении «Все мы бражники здесь, блудницы...». Здесь с такой убедительностью не проявилось бы лирическое «мы», если бы Ахматова не дала всех болезненных движений, всех оттенков мрачного колорита при воссоздании своего потрясённого «я».

1. Гуляев Н.А. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1985. С142.
2. Виленкин В.Я. В сто первом зеркале. М.: Советский писатель, 1987. С.5.
3. Об Анне Ахматовой: Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма. Л.: Лениздат, 1990. С.5.
4. А.Ахматова. Собрание сочинений в бтт. Т.4. М.: Эллис Лак, 2000. Здесь и далее указаны страницы данного издания. С.45-66.
5. Адамович Г. Мои встречи с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой: Сборник. М.: Советский писатель, 1991. С.21.
6. Вспоминая Ахматову: Иосиф Бродский – Соломон Волков. Диалоги. М.: Независимая газета, 1992. С.7.